

Д. В. Ларкович  
**АВТОРСКИЙ ФЕНОМЕН Т. Г. ШЕВЧЕНКО  
 В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

УДК 821.161.2

ББК 83.3(2=411.2)52

Литературное признание пришло к Т. Г. Шевченко в Петербурге, причем как к поэту «малороссийскому», т. е. региональному. Ориентируясь на украинскую народнопоэтическую традицию, в своих ранних сочинениях поэт использует арсенал художественных средств и форм, ставших уже устойчивыми клише в романтической литературной практике. Однако, применяя актуальные жанровые модели, Шевченко вступает в состязание со своими «учителями» и добивается оригинальных творческих результатов на пересечении литературы и фольклора. Период пребывания поэта на Украине был отмечен многочисленными контактами с местной творческой интеллигенцией, особенно с членами «Кирилло-Мефодиевского братства», в результате чего в сознании писателя определяется интерес к идеям панславизма и особой миссии Украины в деле объединения славянских народов. Однако сам факт пребывания в органичной для него культурной среде не исключал самостоятельной, а подчас и полемической позиции Шевченко по отношению к своим единомышленникам, в особенности в вопросах, касающихся оценки современного состояния национальной идентичности украинцев. В Оренбургской ссылке Шевченко создает корпус повестей на русском языке, которые представляют собой авторские вариации на тему известных европейских, русских и украинских литературных источников. При этом поэт не только осваивает новую для него технику художественного повествования, но и предлагает свою авторскую версию «прочтения» уже существующих смыслов.

Ключевые слова: *Т. Г. Шевченко, авторское сознание, региональная литература, панславизм, межкультурный диалог*

Как известно, в силу жизненных обстоятельств Т. Г. Шевченко был причастен двум региональным литературам — Малороссии и Южного Урала: одну он поднял на уровень литературы национальной, а вторую стремился включить в диалог с литературой мировой. При этом местопребывание поэта в процессе его творческой практики решающей роли, как правило, не играло. Достаточно вспомнить, что первые шаги литературной активности Шевченко, которые, говоря словами современного исследователя, «положили начало качественно новому этапу в развитии украинской литературы»,<sup>1</sup> были сделаны далеко за пределами Украины, в Петербурге, и именно там, в российской столице, Шевченко обрел литературную известность, при-

чем именно как поэт «малороссийский», т. е. региональный. И действительно, на рубеже 1830–1840-х гг. украинская литература, переживавшая период становления, самоопределения и обретения собственной этнической идентичности, воспринималась в российской столице как явление вторичное, провинциально-дилетантское, и вызывала, как правило, лишь снисходительные, даже в кругу читателей наиболее глубоких и серьезных.<sup>2</sup>

Однако это несколько не ослабляло творческой инициативы молодого украинского поэта, а, напротив, как будто бы усиливало его стремление писать об «Украине милой» на языке ее народа. Пространственную удаленность автора от источника поэтического воодушевления с успехом компенсировали его ассоциативная память и артистические способности, позволяющие ему моделировать

<sup>1</sup> Яценко М. Т. Украинская литература [первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1989. Т. 6. С. 413.

<sup>2</sup> Весьма показательным в этом отношении является известное высказывание В. Г. Белинского о современном ему состоянии украинского языка: «...мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть *областное малороссийское наречие* (здесь и далее курсив мой. — Д. Л.), как есть белорусское, сибирское и другие, подобные им *областные наречия*» (Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4: Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 — март 1842. М., 1979. С. 417).

художественную реальность желаемой пространственно-временной определенности. Примечательны в этом отношении более поздние признания самого поэта, отчасти иллюстрирующие механизм подобных ассоциативно-творческих проекций. Так, сетуя на необходимость выбора между живописью и литературой в период своего пребывания в мастерской К. П. Брюллова, Шевченко отмечает: «Я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Перед его (Брюллова. — Д. Л.) дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце своего слепца Кобзаря и своих кровожадных гайдамаков. В тени его изящно-роскошной мастерской, как в знойной дикой степи на[д]днепровской, передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непопечальной меланхолической красоте своей. И я задумывался, я не мог отвести своих духовных очей от этой родной чарующей прелести. Призвание, и ничего больше» (V, 36).<sup>3</sup>

Впрочем, даже находясь в Петербурге, Шевченко оказался причастен малороссийскому «региональному гнезду» не только умозрительно, но и вполне буквально. Получив вольную, поэт не прерывает отношений со своими земляками, крепостными гр. П. В. Энгельгардта. Кроме того, на рубеже 1830–40-х гг. он становится активным членом литературного кружка Е. П. Гребинки (Гребёнки), который принимал деятельное участие в его выкупе, инициировал публикацию его первых поэтических сочинений на страницах своего украиноязычного альманаха «Ластівка» («Ласточка») и оказывал ему содействие в выпуске первого стихотворного сборника «Кобзарь» (1840). Кружок Гребинки, говоря словами Ф. Я. Приймы, «способствовал ознакомлению молодого Шевченко с главнейшими событиями современной ему украинской литературной жизни и со всеми основными произведениями небогатой в то время новой украинской литературы». Наряду с поэтическими опусами самого Гребинки, Шевченко открылись художественные

возможности национальной словесности активно формирующейся, благодаря сочинениям И. П. Котляревского, П. П. Гулак-Артемовского, Г. Ф. Квитко-Основьяненко, Л. И. Боровиковского, А. Ф. Шпигоцкого, В. Н. Забилы и др. В кружке Гребинки состоялось и личное знакомство Шевченко с молодыми украинскими литераторами (А. С. Афанасьевым-Чужбинским, Н. В. Кукольником, Н. Я. Прокоповичем и др.), здесь он получил доступ к трудам первых собирателей украинского фольклора (П. А. Лукашевича, М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, Н. А. Цертелева и др.), здесь же ему довелось встретиться и с видными столичными литераторами (В. Г. Белинским, В. Г. Бенедиктовым, В. И. Далем, И. И. Панаевым и др.).

Столь насыщенное литературное окружение, несомненно, укрепило Шевченко в решении серьезно заняться литературной деятельностью и во многом определило вектор развития его авторских интересов. Его первые стихотворные опыты, вошедшие в сборник «Кобзарь», отмечены печатью этого окружения. Характеризуя раннее творчество Шевченко, исследователи обычно указывают на факты прямого влияния как русской, так и украинской романтической поэзии. Содержательно ориентируясь на малороссийскую народно-поэтическую традицию, автор «Кобзаря» использует арсенал художественных средств и форм, ставших уже устойчивыми клише в романтической литературной практике. Весьма показательным в этом смысле стихотворение «Причинна» («Порченая», 1837), выдержанное в жанровой традиции романтической баллады, где очевидны переключки с поэтическими сочинениями П. П. Гулака-Артемовского, Л. И. Боровиковского, И. М. Вагилевича через посредство как западноевропейских поэтов-балладников (Г.-А. Бюргера, Й.-В. Гете, Ф. Шиллера, А. Мицкевича), так и русских (В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. И. Козлова).

Однако, реактуализируя основательно апробированную жанровую модель, уже в этом наиболее раннем стихотворном опусе Шевченко не ограничивается ролью ученика, а смело вступает в состязание со своими «учителями», явив, как писал И. М. Дзюба, «украинское слово такого художественного качества, какого не достигали его предшественники и современники — поэты-романтики». Этот уровень «художественного качества» стал результатом

<sup>3</sup> Здесь и далее все ссылки на сочинения Т. Г. Шевченко с указанием в скобках номера тома и страницы приводятся в статье по изданию: Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: у 12 т. / Редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін. Київ, 2001

<sup>4</sup> Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М.; Л., 1961. С. 39.

<sup>5</sup> Дзюба І. М. Тарас Шевченко. Життя і творчість. 2-ге вид., доопрац. Київ, 2008. С. 90. Здесь и далее все переводы с украинского языка выполнены автором статьи.

оригинального синтеза продуктивной поэтической формы и высокой авторской впечатлительности, сформировавшейся в результате живой, непосредственной причастности автора народно-песенной культуре его родной Малороссии:

Реве та стогне Дніпр широкий,  
Сердитий вітер завива,  
Додолу верби гне високі,  
Горами хвилю підійма.  
І блідний місяць на ту пору  
Із хмари де-де виглядав,  
Неначе човен в синім морі  
То виринав, то потопав.  
Ще треті півні не співали,  
Ніхто нігде не гомонів,  
Сичі в гаю перекликались,  
Та ясен раз у раз скрипів (I, 73).

Это сочетание сильно выраженного индивидуально-авторского начала со стихией украинской народно-песенной традиции, подкрепленное страстным интересом к национальной истории и мифологии, еще более ярко проявилось в поэмах, исторических балладах и песнях, написанных Шевченко в первой половине 1840-х гг., таких как «Гайдамаки» (1841), «Гамалія» (1842), «Розрита могила» (1843), «Сова» (1844), «Сліпий» (1845) и др. В этих произведениях поэт не просто стремится осмыслить драматические коллизии исторической судьбы Украины, он восходит до создания оригинальной историософской концепции, основу которой составляет принцип национальной идентичности, укорененности в национальной духовной почве. Как отмечает Ю. Барабаш, «историософии Шевченко, изначально направленной против безнациональности, исторической амнезии, космополитической беспочвенности, не в меньшей мере чужды и национальное зазнайство, воинственная ксенофобия, хуторянская замкнутость, в его поэзии сочетаются ясность цели — с гибкостью средств ее достижения, призыв к “своему” — с признанием “чужого”, монолог — с диалогом».<sup>6</sup>

Примечательно то, что автор «Кобзаря», даже будучи территориально удален от родной Малороссии, уже на раннем этапе своей творческой деятельности создает поэтические образцы, которые свидетельствуют о зрелости и самодостаточности украинской литературы,

получившей в его лице столь мощное персональное воплощение.

Параллельно связям в столичной литературной среде у Шевченко постепенно складываются и укрепляются его собственно региональные контакты. Так, в 1842 г. он отправляет в Харьков для литературного альманаха «Сніп» («Сноп») специально написанную поэму «Мар'яна-черниця» и стихотворение «Вітер з гаєм розмовляє...» («Ветер с бором разговаривает...»). В 1843 г. другой харьковский альманах «Молодик» («Молодой месяц») напечатал еще два поэтических сочинения Шевченко — думу «Тяжко-важко в світі жити...» и балладу «Утоплена» («Утопленница»). Кроме того, Шевченко ведет активную переписку с видными деятелями украинской культуры, науки и образования: Г. Ф. Квиткой-Основьяненко, Г. С. Тарновским, В. И. Григоровичем, О. М. Бодянским и др. А во время краткой поездки по Украине летом и осенью 1843 г. он лично знакомится с известным украинским писателем и фольклористом П. А. Кулишом, филологом и этнографом П. А. Лукашевичем, первым ректором Киевского университета М. А. Максимовичем и многими другими.

И вот наконец, в марте 1845 г., будучи удостоен Советом Императорской Академии искусств звания «некласного художника», Шевченко принимает решение вернуться в родную Малороссию, имея, по официальному заявлению самого поэта, «надобность по художественным... занятиям».<sup>7</sup> И действительно, в течение всего 1845 г. Шевченко путешествует по городам и весям Украины (Глухов, Кременчуг, Киев, Яготин, Миргород, Полтава, Переяслав и др.), фиксируя свои впечатления на холсте и бумаге. Позднее эти впечатления, глубоко врезавшиеся в память поэта, получают и словесное выражение в его русских повестях «Капитанша», «Музыкант», «Прогулка с удовольствием и не без морали». А тогда, в середине 1840-х гг., в результате размышлений о драматической судьбе своего отечества в сознании Шевченко постепенно начинала складываться идея, которая выходила далеко за географические и хронологические пределы современной ему Малороссии.

Так, в октябре 1845 г. поэт создает поэму «Єретик» («Еретик»), посвященную идеологии чешской реформации Яну Гусу (1371–1415).

<sup>6</sup> Барабаш Ю. Т. Г. Шевченко. Семантика и структура поэтического текста. М., 2011. С. 45.

<sup>7</sup> Тарас Шевченко: документи та матеріали до біографії. 1814–1861. Київ, 1982. С. 66.

Центральная идея этой поэмы — необходимость решительного противостояния внешним врагам в борьбе за национальную независимость, а в посвящении к поэме, адресованном известному чешскому ученому и общественному деятелю П. И. Шафарику, звучит прямой призыв к единению всех славянских народов как необходимому условию сохранения национальной, политической и культурной идентичности каждого из них:

І – о диво! трупи встали  
І очі розкрили,  
І брат з братом обнялися  
І проговорили  
Слово тихої любові  
Навіки і віки!  
І потекли в одно море  
Слав'янські ріки! (І, 288).

Вскоре эта мысль получила новый импульс к развитию в связи с установлением Шевченко тесных дружеских и творческих контактов с членами «Кирилло-Мефодиевского братства» Н. И. Костомаровым, Н. И. Гулаком, В. М. Белозерским, А. А. Навроцким, А. В. Марковичем и др. Как известно, возникшее в общем русле европейского панславизма середины XIX столетия «Кирилло-Мефодиевское братство» стало первой на Украине общественно-политической организацией, которая, говоря словами О. Бигуна, предприняла попытку «определить проблемы отношений между государственной властью и народом, между отдельными государствами, а также определить стремление своего народа как нации».<sup>8</sup> Мысль о том, что подлинная власть имеет «сугубо Божественную природу», а потому любая попытка узурпировать ее в корыстных целях в исторической перспективе обречена на неудачу, была сформулирована в программном документе «Закон Божий» («Книги бытия украинского народа») и проецировалась на ситуацию, характеризующую современное состояние Российской империи: «И славянщина хоть терпела и терпит неволю, но не сама ее сотворила, ибо и царь, и панство не славянским духом сотворено, а немецким или татарским. И теперь в России хоть и есть деспот — царь, однако он не славянин, а немец, так и урядники у него немцы, оттого и паны хоть и есть в России, да они быстро преобразятся либо в немца, либо во француза, а истинный славянин

не любит ни царя, ни пана, а любит и помнит одного Бога — Иисуса Христа, Царя над небом и землею».<sup>9</sup>

В общем процессе славянского возрождения Украине отводилась особая миссия, поскольку история Украины представлялась членам «Кирилло-Мефодиевского братства» живой летописью общенародного движения к свободе, духовной и политической. При этом «история Украины мыслилась не только как символическая история свободы, но как образ будущего мироустройства, опирающегося на братство, солидарность, справедливость».<sup>10</sup> Поэтому футурологическая риторика идеологов «Кирилло-Мефодиевского братства» неизбежно была связана именно с возрождением Украины как средоточия всего славянского мира, благословленного самим Господом: «И встанет Украина из своей могилы, и вновь окликнет всех братьев своих славян, и услышат крик ее, и встанет славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крепака, ни холопа — ни в Московщине, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни в Хорватии, ни у сербов, ни у болгар. И Украина будет свободной Речью Посполитой в Союзе Славянском».<sup>11</sup>

Шевченко, мучительно размышлявшему о драматической судьбе Малороссии, оказались близки историософские построения идеологов братства, в которых политические аспекты национального бытия были неразрывно связаны с религиозными. Однако в вопросах, касающихся оценки современного состояния национального самосознания украинцев, поэт изначально занимал более последовательную и даже радикальную позицию на фоне идеалистических построений братства. Если предельно кратко изложить суть этой позиции, то, по твердому убеждению Шевченко, причины глубоких противоречий, раздирающих современную Украину, имеют не внешнюю, а исключительно внутреннюю природу и обусловлены в первую очередь ситуацией внутринационального раскола, прогрессирующего кризиса национальной идентичности. Следствием этого культурного, а отнюдь не политического кризиса является утрата образованной частью нации ценностных

<sup>8</sup> Бигун О. Християнський месіанізм: Тарас Шевченко і Кирилло-Мефодіївське братство // Шевченкознавчі студії: збірник наукових праць. Вип. 17. Київ, 2014. С. 10.

<sup>9</sup> Костомарів М. Книги битія українського народу. Львів: Київ, 1921. С. 21.

<sup>10</sup> Бигун О. Указ. соч. С. 11.

<sup>11</sup> Костомарів М. Указ. соч. С. 22.

ориентиров и способности адекватно оценивать происходящее.

Примечательно, что даже столь привлекательная для Шевченко панславянская идея в послании «І мертвим, і живим, і ненарожденним землякам моїм...» (1845) обретает ироничную форму поэтического выражения, когда она оборачивается сугубо отвлеченным теоретизированием, не проясняющим вопроса об истоках национальной самобытности, а, напротив, уводящим в сторону от прямого ответа:

Німець скаже: «Ви моголи».  
«Моголи! моголи!»  
Золотого Тамерлана  
Онучата голі.  
Німець скаже: «Ви слав'яне».  
«Слав'яне! слав'яне!»  
Славних прадідів великих  
Правнуки погані!  
І Коллара читаєте  
З усієї сили,  
І Шафарика, і Ганка,  
І в слав'янофілі  
Так і претесь... І всі мови  
Слав'янського люду  
Всі знаєте. А своєї  
Дас[т]ьбі... Колись будем  
І по-своєму глаголать,  
Як німець покаже  
Та до того й історію  
Нашу нам розкаже, —  
Отойді ми заходимось!.. (I, 350, 351).

Можно сказать, что сам факт пребывания Шевченко в органичной для него культурной среде не исключал наличия у него самостоятельной, а подчас и полемической позиции по отношению к ее представителям, к единомышленникам и сподвижникам. Иными словами, являясь де-юре региональным поэтом, активно включенным в литературное движение своего «периферийного», с точки зрения имперского центра, региона, де-факто Шевченко прокладывал новые художественные и концептуально-идеологические пути национальной литературе.

Этот процесс получил оригинальное продолжение и в период одиннадцатилетней ссылки поэта на Южный Урал. О пребывании Шевченко в Оренбуржье написаны монографии и статьи, составляющие весьма обширный корпус научной литературы,<sup>12</sup> но мы

<sup>12</sup> См.: Большаков Л. Н. По следам оренбургской зимы: книга поисков: [О Т. Г. Шевченко]. Челябинск, 1968; Многонациональный мир Оренбуржья. Вып. 12: Помнят стени певца Украины: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 185-й го-

ограничимся лишь краткими замечаниями, касающимися особенностей авторской стратегии Шевченко-писателя в этот период.

Как известно, 9 июня 1847 г. осужденный за «сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений»<sup>13</sup> поэт был доставлен в Оренбург и зачислен рядовым 5-го Оренбургского линейного батальона, расквартированного в Орской крепости, а командиру Отдельного оренбургского корпуса В. О. Обручеву, под начало которого был определен мятежный стихотворец, было направлено предписание: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств Тараса Шевченка, за сочинение возмутительных стихов, определить в Отдельный оренбургский корпус рядовым, с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».<sup>14</sup>

Однако, вопреки запрету, только за первые полгода своего пребывания в Орской крепости Шевченко написал порядка 20 стихотворных произведений (из них 4 поэмы), которые вошли в состав первой «захалывной»<sup>15</sup> книжки — рукописного сборника стихотворений, рисунков и кратких заметок. Всего, напомним, за период оренбургской ссылки Шевченко подготовил четыре таких сборника, куда в общей сложности вошло более 100 поэтических текстов разного объема и жанровой принадлежности.

Как правило, исследователи выделяют четыре основных периода литературной активности Шевченко времен его оренбургской солдатчины, резонно связывая их с местом непосредственного пребывания опального поэта:

1) июнь 1847 г. — май 1848 г. — пребывание писателя в Орской крепости;

2) май 1848 г. — октябрь 1849 г. — период, связанный с участием поэта в работе экспедиции Алексея Ивановича Бутакова по обследованию Аральского моря;

довщине со дня рождения Т. Г. Шевченко. Оренбург, 2000; Оренбургская Шевченковская энциклопедия: Тюрма. Солдатчина. Ссылка: Энцикл. одиннадцати лет 1847–1858. Оренбург, 1997; Черниенко Д. А. Украинистика Южного Приуралья. Ижевск, 2013.

<sup>13</sup> Тарас Шевченко: документи та матеріали до біографії. 1814–1861. С. 130.

<sup>14</sup> Там же. С. 133.

<sup>15</sup> От укр. *халыва*, 'голенце сапога'.

3) ноябрь 1849 г. — апрель 1850 г. — период, отличающийся широким полем контактов с внешним миром в связи с возвращением в административную и культурную столицу Южного Урала — Оренбург;

4) октябрь 1850 г. — июль 1857 г. — повторная (в связи с обнаружившимся нарушением запрета писать и рисовать) ссылка в Новопетровское укрепление, находящееся в 1500 км от Оренбурга, на северо-восточном побережье Каспия.<sup>16</sup>

Каждый из периодов отмечен разным уровнем творческой активности, возможностей культурных контактов, но многочисленные документальные свидетельства и данные биографических разысканий позволяют с уверенностью констатировать, что насильственная изоляция поэта существенно ограничила, но не прервала его творческие контакты ни с русской, ни с украинской культурной средой.

Во-первых, на каждом из этапов одиннадцатилетней оренбургской ссылки Шевченко активно взаимодействовал с местными представителями творческой интеллигенции (Т. Вернером, Б. Залесским, Ф. и М. Лазаревскими, С. Левицким, И. Завадским, М. Александрийским, А. Макшеевым и др.), с которыми автор «Кобзаря» имел возможность обсуждать широкий круг проблем эстетического и художественно-идеологического содержания. Кроме того, за годы ссылки состоялись встречи Шевченко с такими видными деятелями русской культуры и литературы, как А. Плещеев, А. Головачев, А. Писемский, Н. Данилевский, П. Семенов-Тянь-Шанский и др.

Во-вторых, все это время поэт вел переписку со своими друзьями украинскими (А. Лизогубом, В. Репниной, Я. Кухаренко) и столичными (С. Гулаком-Артемьевым, О. Бодянским, Н. Осиповым), от которых он периодически получал информацию о новинках отечественной и зарубежной литературы, а иногда и сами новинки в виде свежих изданий и переводов.

И, наконец, в распоряжении Шевченко находилась довольно представительная подборка новейшей российской периодики («Русский инвалид», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник»), что давало ему возможность составить достаточно отчетливое представление об основных событиях современной литературной жизни.<sup>17</sup>

Можно предположить, что именно отсутствие возможности лично участвовать в развитии этих событий обострило диалогические интенции Шевченко, и без того присущие ему, и актуализировало неостребованный ранее потенциал его авторской активности.

Это проявилось, в частности, в новой тональности его лирической поэзии, в которой уже с середины 1847 г. существенно усиливается персоналистическая основа. Ярko выраженная субъектная позиция и сильный личный тон, как известно, и ранее были присущи поэтическим сочинениям Шевченко, однако личные переживания поэта, инспирированные его арестом и ссылкой, еще более акцентировали авторскую экспрессивность, утверждающую человеческую личность как высшую духовную ценность. Мысль о страдальческой судьбе человека, подтвержденная личным жизненным опытом поэта, нередко принимает у Шевченко форму молитвенно-богословского дискурса и обретает масштаб онтологического обобщения:

Один у другого питаем,  
Нащо нас мати привела?  
Чи для добра? Чи то для зла?  
Нащо живем? Чого бажаєм?  
І, не дознавшись, умираєм,  
А покидаємо діла...  
Які ж мене, мій Боже милий,  
Діла осудять на землі?  
Коли б ті діти не росли,  
Тебе, святого, не гнівили,  
Що у неволі народились  
І стид на Тебе понесли (II, 53).

В этих стихах явственно ощущаются мотивы поэзии М. Ю. Лермонтова, собрание сочинений которого автор «Кобзаря» просит прислать Михаила Лазаревского в декабре 1847 г. Называя стихи Лермонтова «поэзией святой» (VI, 39), находящийся в Аральских степях Шевченко, по всей видимости, личностно переживает страстный накал лермонтовского поэтического слова и с жаром откликается на это диалогически призывное слово.

Впрочем, не только Лермонтов оказывается участником литературного диалога, в который вступает Шевченко в период южноуральской ссылки. Гораздо более наглядно его диалогические интенции проявились в так называемых «русских повестях», над созданием которых поэт работал с 1852 г. по 1858 г. До нас дошло девять самостоятельных, завершенных текстов,

<sup>16</sup> См., напр.: Кирилук Е. П. Тарас Шевченко: критико-биографический очерк / пер. с укр. Е. Кирилюка. М., 1988. С. 139–229.

<sup>17</sup> Подробнее о круге чтения Т. Г. Шевченко в период оренбургской ссылки см.: Прийма Ф. Я. Указ. соч. С. 128–163.

хотя Шевченко сообщает о том, что написал «десятков около двух» повестей (VI, 165).

Опуская сколько-нибудь обстоятельную характеристику прозаического наследия писателя, остановимся лишь на одной существенной детали: все девять повестей представляют собой оригинальные авторские вариации на тему популярных русских, украинских и европейских литературных источников.

Ограничимся лишь кратким перечнем произведений, составляющих, говоря словами М. М. Бахтина, «диалогизирующий фон» художественной прозы Шевченко: «Памелла» С. Ричардсона, «Айвенго» В. Скотта, «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников» Кристиана Августа Вульпиуса, «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Сердечная Оксана» и «Предания о Гаркуше» Г. Квитки-Основьяненко, «Дубровский» и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина, «Сорока-воровка» А. И. Герцена и др.

Но, конечно, основной источник диалогических интенций Шевченко-прозаика — это сочинения Н. В. Гоголя («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Старосветские помещики», «Невский проспект» и др.), к которому автор «Кобзаря» долгие годы испытывал искренний и глубокий пиетет. Ю. Барабаш, комментируя характер литературных взаимоотношений двух великих сынов Украины, замечает: «Не случайно, что все повести Шевченко написаны в годы ссылки, в, так сказать, кульминационный “гоголевский период” биографии поэта, они в большой степени вырастают на гоголевской почве, вдохновлены гоголевским духом и словом. Отсюда, наряду с прямыми упоминаниями имен Гоголя и его персонажей, ссылками на сочинения, — более или менее скрытые (впрочем, с легкостью “дешифруемые”) параллели, фабульные совпадения, смысловые интонационные отголоски».<sup>18</sup>

Но важно здесь и другое: Шевченко осваивая навыки работы с малознакомыми ему ли-

тературными формами, не только учится у своих успешных предшественников азам нарративной техники, но и предлагает свою авторскую версию «прочтения» уже существующих смыслов: сюжеты его повестей никогда не дублируют содержательную логику их литературных претекстов. Перед нами не просто диалог с литературными предшественниками, а своего рода диалог-состяжание с ключевыми фигурами современной ему отечественной и зарубежной литературы.

И, наконец, тот факт, что повести Шевченко, детально и живописно воссоздающие картины жизни украинского народа, написаны на русском языке, а следовательно, адресованы прежде всего русскому читателю, ясно указывает на сознательное стремление автора не на словах, а на деле осуществить идею единства, по крайней мере двух, славянских народов, предопределив их встречу в пространстве словесной художественной культуры.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что авторский феномен Шевченко наиболее ярко проявился в его отношении к культурной традиции. Поэт не пытался адаптироваться к условиям той литературной среды, с которой добровольно или вынужденно вступал в творческие контакты, но целенаправленно стремился расширить границы ее возможностей. Именно такая активная авторская стратегия позволила ему убедительно продемонстрировать всему читательскому сообществу факт состоятельности и национальной самодостаточности украинской литературы, преодолевшей иерархический уровень областничества. Она же послужила дальнейшему раскрытию творческого потенциала Шевченко в период его оренбургской ссылки, когда ограничение круга личных культурных контактов поэта обернулось возрастанием межкультурных диалогических интенций и расширением выразительного арсенала его творчества.

### ***Dmitry V. Larkovich***

Doctor of Philological Sciences, Surgut State Pedagogical University (Russia, Surgut)

E-mail: [dvl10@yandex.ru](mailto:dvl10@yandex.ru)

## PHENOMENON OF T. G. SHEVCHENKO IN THE DIALOGUE OF CULTURAL TRADITIONS

Literary recognition first came to T. G. Shevchenko in St. Petersburg where he was received as a poet representing 'Malorossia', i.e. one of the provinces. In his early writing the poet relied on poetic

<sup>18</sup> Барабаш Ю. Я. «Инь» и «ян» украинской культуры (Гоголь и Шевченко) // Н. В. Гоголь: материалы и исследования. Вып. 3. М., 2012. С. 51.

tradition of the Ukrainian folklore using a range of artistic expressive means and techniques which had already become standard patterns in romantic literary writing. However, using the current genre models Shevchenko entered into competition with his 'teachers' and soon demonstrated original creative achievements at the crossroads of literature and folklore. During his Ukrainian period the poet had numerous contacts with local creative intellectuals community, particularly with the members of "St. Cyril and Methodius Brotherhood" under whose influence he developed an interest to the ideas of Pan-Slavism and a special mission of Ukraine in the cause of uniting all Slavic peoples. However the fact of his existence within the native and organic for him cultural environment did not exclude the possibility of Shevchenko's assuming and independent, and sometimes even controversial position with regard to his associates, particularly on issues involving opinions on the contemporary state of Ukrainian national identity. During his exile in Orenburg Shevchenko wrote a cycle of stories in the Russian language, which appeared to be the author's variations on the popular motifs from well-known European, Russian and Ukrainian literary sources. In this cycle the poet in addition to mastering a new for him style of creative writing also offered his own original interpretation of the already established meanings.

Keywords: *T. G. Shevchenko, author's consciousness, regional literature, Pan-Slavism, cross-cultural dialogue*

#### REFERENCES

- Barabash Yu. *T. G. Shevchenko. Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [T. G. Shevchenko. Semantics and structure of the poetic text]. Moscow: IMLI RAS Publ., 2011. 432 p. (in Russ.).
- Barabash Yu. Ya. «In» i «yan» ukrainskoy kultury (*Gogol i Shevchenko*) ["Yin" and "yan" Ukrainian culture (Gogol and Shevchenko)]. N. V. Gogol: Materialy i issledovaniya — N. V. Gogol: Materials and researches. No. 3. Moscow: IMLI RAS Publ., 2012, pp. 31–54. (in Russ.).
- Belinskiy V. G. *Lastovka. ...Sobral Ye. Grebenka... Svatane. Malorossiyskaya opera v trekh dey-stviyakh. Sochinenie Osnovyanenka* [Lastovka. ...I brought together E. Grebenk... Svatanye. The Little Russian opera in three actions. Osnovyanenk's composition]. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy*. Vol. 4. Stati, retsenzii i zametki. Mart 1841 — mart 1842. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1979, pp. 416–418. (in Russ.).
- Begun A. *Khristianskiy messianizm Tarasa Shevchenko i Kirillo-Mefodievskogo bratstva* [Christian messianism Tarasa Shevchenko and Kirillo-Mefodiyevsky brotherhood]. *Shevchenkovskie shtudii. Sbornik nauchnykh trudov — Shevchenkovsky studies. Collection of scientific works*, Vol. 17. Kiev: Kievskiy Uni., 2014, pp. 9–16. (in Ukrainian).
- Bolshakov L. N. *Po sledam orenburgskoy zimy: Kniga poiskov: o T. G. Shevchenko* [In the wake of the Orenburg winter: Book of searches: about T. G. Shevchenko]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural. kn. izd-vo Publ., 1968. 228 p. (in Russ.).
- Chernienko D. A. *Ukrainistika Yuzhnogo Priuralya: monografiya* [Ukrainistika of Youzhny of Cisural area: monograph]. Izhevsk: Udmurtskiy Uni., 2013. 308 p.
- Dzyuba I. M. *Taras Shevchenko. Zhizn i tvorchestvo* [Taras Shevchenko. Life and creativity]. Kiev: Kievo-Mogilyanskaya akademiya Publ., 2008. 718 p. (in Ukrainian).
- Kirilyuk Ye. P. *Taras Shevchenko. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Taras Shevchenko. Kritiko-biograficheskiy sketch]. Moscow: Khudozh. Literatura Publ., 1988. 350 p. (in Russ.).
- Kostomarov N. *Knigi bytiya ukrainskogo naroda* [Genesises of the Ukrainian people]. Lvov; Kiev: Noveyshaya biblioteka Publ., 1921. 24 p. (in Ukrainian).
- Mnogonatsionalnyy mir Orenburzhyia. Vol. 12. Pomnyat stepi pevtsa Ukrainy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 185-y godovshchine so dnya rozhdeniya T. G. Shevchenko* [Multinational world of Orenburg Oblast. Vol. 12. Remember steppes of the singer of Ukraine: Materials on the nauchno-practical conference devoted to the 185th anniversary since the birth of T. G. Shevchenko]. Orenburg: OGAU Publ., 2000. 110 p. (in Russ.).
- Orenburgskaya Shevchenkovskaya entsiklopediya: Tyurma. Soldatchina. Ssylka: Entsikl. odinnadtsati let 1847–1858* [Orenburg Shevchenkovsky encyclopedia: Prison. Soldatchina. Link: Entsikl. eleven years 1847–1858]. Orenburg: DIMUR Publ., 1997. 511 p. (in Russ.).
- Priyma F. Ya. *Shevchenko i russkaya literatura XIX veka* [Shevchenko and Russian literature of the XIX century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1961. 411 p. (in Russ.).
- Taras Shevchenko: Dokumenty i materialy k biografii. 1814–1861* [Taras Shevchenko: Documents and materials to the biography. 1814–1861]. Kiev: Vysshaya shkola Publ., 1982. 432 p. (in Ukrainian).
- Yatsenko M. T. *Ukrainskaya literatura pervoy poloviny XIX v.* [Ukrainian literature the first half of the XIX]. *Istoriya vseмирnoy literatury — History of the world literature*. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1989, pp. 404–417. (in Russ.).